

ПРИНЦИПАТ ТИБЕРИЯ

К вопросу о социальной природе императорской власти в Риме

Проф. В. С. Сергеев

Одной из самых сложных и темных страниц античной истории является период первой римской династии Юлиев Клавдиев, т. е. первые пятьдесят лет принципата. По большей части в общих обзорах и монографиях названный период изучается исключительно под персональным, биографическим углом зрения. Все события и факты политической жизни рассматриваются с точки зрения проявления темперамента, злой или доброй воли того или иного императора, без достаточного учета воздействия объективных социально-экономических факторов. Вследствие этого пропадает собственно история римского общества и остается только история двора и императоров, расцениваемых, как правило, не с исторической, а с этико-психологической точки зрения.

Правда, в настоящее время в этом отношении наблюдается некоторый сдвиг, как это показывают более новые работы, посвященные Тиберию: монографии Ланге, Корнемана, Дессау и в особенности Чиачери¹. Но и эти работы представляют собою лишь первый шаг по пути дальнейшего изучения вопроса. Эпоха Клавдиев еще ждет своего исследователя.

Из всех императоров клавдиевой династии наиболее интересен Тибериий, чем и объясняется огромное количество всякого рода статей и монографий, посвященных именно этому императору.

С историко-культурной точки зрения принципат Тиберия представляет большой интерес, как начало императорского режима в Риме и как один из переломных этапов в истории античного государства. Императорский режим при Тиберии только что начинал складываться после пережитых Римом потрясений в последние годы правления Августа, и потому важно, а по состоянию исторического материала и вполне возможно изучить социальные силы и условия, при которых и благодаря которым он создавался и укреплялся. А это в свою очередь позволяет нам понять социальную природу императорской власти в Риме на всем ее протяжении в период как принципата, так и домината.

Императорский строй и аппарат государственного управления в Риме в главных чертах сложился при Тиберии и притом в немалой степени благодаря некоторым его индивидуальным особенностям. В этом свете и сама личность Тиберия приобретает первостепенное историческое значение, тем более что в этом вопросе между историками существуют принципиальные разногласия, в значительной степени зависящие от самой постановки вопроса. *Bona interrogatio est dimidium scientiae.*

¹ C i a c e r i, Tiberio, successore di Augusto, 1934.

Сказанным определяется и задача настоящего очерка: на социально-экономическом фоне и на фоне классово-борьбы проследить деятельность непосредственного преемника и продолжателя Августа и дать историческую оценку его личности.

1. Углубление социально-экономических противоречий в первые десятилетия принципата

Первые десятилетия принципата, если иметь в виду не одну только Италию, а все Средиземноморье, весь римский мир, характеризуются оживлением во всех областях экономической и культурной жизни. Об этом свидетельствуют самые разнообразные исторические памятники: сообщения историков, законодательные акты, обличительные сентенции философов-моралистов и писателей, в особенности Горация и Сенеки, и, наконец, археолого-эпиграфические материалы.

Первое, что бросается в глаза при чтении всех названных документов, это — необычайно страстная жажда денег и преклонение перед их всемогуществом. Деньги становятся центром и смыслом жизни, без них сама жизнь кажется жалкой, бессмысленной и ненужной. Деньги — царь мира. Сначала деньги, а уже потом добродетель и все остальные высокие качества и слова, — восклицает один из героев Горация.

*Et genus et formam regina Pecunia donat,
Ac bene nummatum decorat Suadela Venusque.*

(Hor., Epist., I, VI, 37—40).

Деньги стали всеобъемлющей силой, определявшей социальное положение человека. Происхождение, ум, талант, честность, красота и т. д. — все зависело и определялось количеством денег, находившихся в распоряжении данного лица. Отсюда понятны страсть к приобретению и многочисленные психические и физические мучения, связанные с приобретением богатства. Обратной стороной прославления богатства было презрение к бедности. Бедность считалась самым страшным пороком, которого боялись больше всякой чумы. Бедный человек вследствие своей бедности все должен безропотно сносить и терпеть.

*Magnum pauperies opprobrium iubet
Quidvis et facere et pati,
Virtutisque viam deserit arduae.*

(Hor., Od., III, XXIV, 42—44).

В период всеобщей жажды денег наиболее выгодным, хотя и рискованным делом оказывалась ссуда денег под высокие проценты, ростовщичество (foeneratio). В изучаемый период ростовщичеством в Риме занимались все, у кого только имелись свободные деньги, — сенаторы, всадники и вольноотпущенники (Hor., Od., II, 18). Ростовщичеством занимались высшие государственные сановники (философ Сенека), особы царственной крови и даже сами императоры (Dio, LXII, 11). От ростовщичества неотделима спекуляция в наярговыми дорогими товарами, привозимыми из далеких стран.

*Quid leges sine moribus
Vanae proficiunt? si neque fervidis
Pars inclusa caloribus
Mundi nec boreae finitimum latus
Durataeque solo nives
Mercatorem abigunt, horrida callidi
Vincunt aequora navitae.*

(Hor., Od., III, XXIV, 35—41).

Остальные виды экономической деятельности—сельское хозяйство, ремесла, служба и пр.,—не дававшие таких больших прибылей, лишь во вторую очередь привлекали внимание денежных людей Рима.

Широкий простор для всякого рода спекулятивной и коммерческой деятельности представляли п р о в и н ц и и. Сувереном же провинций, квалифицируемых как добыча римского народа, являлось р и м с к о е г о с у д а р с т в о—организованный коллектив римских граждан (*cives iure optimo*), персонифицируемый в особе императора или принцепса.

Переломным моментом в истории римского государства и провинций было учреждение п о с т о я н н о й а р м и и, имевшее место при Августе. До августовской реформы Рим не имел постоянной армии, а находившиеся в распоряжении отдельных командиров военные части снабжались и укомплектовывались самими же командирами—императорами в республиканском смысле этого слова. С Августа картина резко изменилась: появились постоянная армия и специальный военный фонд (*aerarium militare*). Установленный Августом контингент постоянной армии в 25 легионов по античным масштабам был очень велик и потребовал коренной реорганизации всей системы снабжения и финансового управления.

На основе статистических данных переписи все население империи, за исключением Италии, облагалось двойным налогом—п о з е м е л ь н ы м и п о д у ш н ы м. Одна часть трибута (налога) собиралась натурой, а другая—деньгами. Податная реформа Августа форсировала разложение натурального и рост денежного хозяйства во всех средиземноморских странах, входивших в римский *orbis terrarum*¹. Количество поступавших в обращение монет увеличилось, а вместе с тем возросла также и потребность в деньгах. Обложенные налогом провинциалы вынуждены были превращать продукты своего хозяйства в деньги, и, тем не менее, денег все-таки нехватало. Единственным выходом из положения являлся заем под высокие проценты у крупного ростовщика, римского чиновника всаднического или сенаторского звания. Вследствие этого создавалась массовая задолженность в провинциях. Целые провинции и города оказывались жертвой ростовщического капитала.

2. Римские магнаты

Наибольшие выгоды из вышеописанных социально-экономических перемен извлекли верхи римско-италийского общества—сенаторы и всадники, в особенности сенаторы первого разряда, занимавшие высшие посты в государстве, фактически бывшие вершителями судеб римского государства и направлявшие римскую политику. Сенаторы-ростовщики действовали в провинциях через посредство своих многочисленных агентов из вольноотпущенников, рабов и клиентов. Благодаря широко разветвленным финансовым и торговым операциям в руках сенаторских фамилий скоплялись колоссальные богатства.

Выкачиваемые из провинций богатства вкладывались в землю или же тратились на приобретение предметов роскоши. Обладание землей во все времена Римской империи считалось необходимым условием принадлежности к высшему кругу. Подчиняясь требованиям и вкусам своего века и круга, римская аристократия, римские магнаты стремились к бесконечному расширению своих земельных владений—л а т и ф у н д и й—за счет пустующих земель или земель своих соседей. Магнатские поместья занимали огромные пространства в Италии и провинциях и использовались

¹ R o d b e r t u s, Untersuchungen auf dem Gebiete der Nationalökonomie des klassischen Altertums («Jahrb. für Nat. und Staat», 1865).

под пашни, сады, оливковые рощи, виноградники, луга, леса и охотничьи парки, удовлетворявшие страсть римлян к охоте.

По своему внешнему виду и внутреннему строю поместья римских магнатов напоминали муниципии или суверенные княжества. В центре поместья располагалась господская вилла со множеством всякого рода построек, служб, мастерских, кладовых, садов, огородов, цветников, рыбных прудов и проч. В поместье проживал огромный штат дворовой челяди, исчислявшийся сотнями и тысячами человек. Рабочую силу магнатских латифундий составляли рабы, волноотпущенники и свободные съемщики—колоны.

Гораций говорит о роскошных постройках и дворцах римских магнатов (*potentiores, reges*), своим размером и великолепием превосходящих все, до сих пор известное миру. Дворцовые громады «римских царей» (*regiae moles*) отличаются сказочной роскошью, имеют обширные пруды, подобные Лукринскому озеру в Кампании, и дворцовые парки, полные самых разнообразных деревьев и цветов.

Берега Адриатического и Тирренского морей завалены горами строительного материала: дорогих сортов мрамора, элфантины, облицовочных кирпичей и т. п. «Да, действительно,—воскликает Гораций,—наш век есть век роскоши!» Столетие от Акциума до Нерона считается временем наивысшего развития роскоши во всей истории античного мира.

Магнатов в собственном смысле, именуемых в источниках царями (*reges*), вельможами (*potentiores*), грандами (*grandes*), первыми людьми города (*priores Urbis*) и многими другими громкими именами, было немного. Между ними собственно и происходила ожесточенная борьба за политическое руководство. Масса же сенаторского сословия, разложившаяся денежным хозяйством, опускалась и впадала в долги. Задолженность аристократии при Клавдиях была колоссальная.

На этой почве возникло одно своеобразное явление императорского Рима—к л и е н т е л а, своими корнями уходящая еще в республиканскую эпоху. Небогатые или разорившиеся люди сенаторского, всаднического или какого-либо иного звания, в целях получения материальной поддержки, продвижения на государственной службе, адвокатском или литературном поприще или имея в виду какие-либо другие интересы личного благополучия, вступали в свиту влиятельного магната, становясь его клиентами. О клиентах и о клиентской зависимости постоянно по самым разнообразным поводам упоминают писатели и эпиграфические памятники. Сложился даже своего рода кодекс клиентских отношений и клиентской зависимости. Со всеми правилами клиентского кодекса знакомит нас Гораций в «Послании» к молодому другу Сцеве, советуя ему вступить в свиту одного из римских магнатов. «Если ты,—говорит Гораций,—желаешь быть только тем, что ты есть сам по себе, и ищешь покоя и тишины, то оставь Рим и отправляйся в Ферентину (захолустный город Этрурии), и там тебя не будет беспокоить городская пыль и шум городских колес. Но если ты желаешь еще приобрести богатство и славу и принести пользу своим друзьям, то иди сухой к умашенному».

Основное правило клиентских отношений таково, что богатства терпят глупость (*stultitiam patiuntur opes*) и что тогда клиента всегда должна быть уже тоги патрона (*arta decet sanum comitem toga*) (Hor., *Epist.*, XVIII, 30).

В клиентстве состояли не только отдельные лица, но и целые фамилии сенаторского, всаднического и плебейского звания, целые города, храмы и общины. Наконец, массу клиентов составляли вольноотпущенники.

Вторую прослойку императорского Рима составляла п л у т о к р а т и я, класс богатых людей, вышедших из всадников или вольноотпущен-

ников и наживавшихся на торгово-ростовщических спекуляциях. Плутократия в императорском Риме играла очень большую роль, но она никогда не занимала первенствующего положения в римском обществе.

По всему своему облику общество эпохи Клавдиев представляется в полном смысле аристократическим. Все без исключения императоры первой династии были чистейшей воды римскими аристократами, выведшими свой род от древних патрицианских римских родов и ревниво охранявшими обычаи, нравы и предрассудки высшего круга. Политика Клавдиев была отчетливо выраженной аристократической политикой. Высшие должности в армии и администрации занимали представители сенаторских фамилий. Они же задавали тон при императорском дворе, в их руках находилось воспитание членов императорских фамилий и самого принцепса. Идеология, быт, нравы, искусство и литература этой эпохи насквозь пропитаны аристократическими тенденциями и настроениями. По форме государственной строй принципата представляется монархией, по существу же это было олигархическое государство, где господствующее положение занимало сенаторское сословие, первое место среди которого принадлежало самим Клавдиям.

3. Классовая природа императорской власти

Одновременно с усилением земельной и денежной аристократии на всем пространстве римского мира происходил процесс разорения средних и низших прослоек массы сельского и городского плебса, служившего в рядах римских армий в эпоху второго триумvirата и составлявшего большую часть римских легионов и вспомогательных когорт при империи. Просочившийся в поры сельского хозяйства и ремесла торгово-ростовщический капитал разорял мелкого производителя, низводя его до зависимого колона или же городского люмпен-пролетария. При создавшейся в I в. н. э. экономической конъюнктуре в Италии, а отчасти и в провинциях наиболее рентабельными оказывались два вида сельскохозяйственных владений: 1) экстенсивные магнатские латифундии; 2) интенсивные подгородные виллы (*suburbanae villae*), связанные с городским рынком. Ни то, ни другое не было доступно рядовому землевладельцу, который впадал в долги, закладывая свой участок и в конце концов совершенно утрачивал охоту к занятию сельским хозяйством, становился клиентом богатого соседа или же уходил в город. О массовой земельной мобилизации говорят Гораций, Сенека и вообще все писатели, жившие от Августа до Нерона. Аналогичные явления наблюдались также и в ремеслах. Магнат, владелец крупной рабской мастерской, действовавший при посредстве вольноотпущенников, вытеснял мелкого свободного ремесленника.

В расширенном масштабе при Клавдиях повторялся тот же самый социально-экономический процесс, который имел место в конце II в. до н. э. в эпоху братьев Гракхов. Как и тогда, притекавшая в города масса неимущего люда сливалась с низшими слоями города в одну деклассированную массу, «городскую чернь», проживавшую «на перекрестках и базарах» (*astykos ochlos; turba forensis*). Значительную часть «базарной черни» составляли вольноотпущенники и беглые рабы, спасавшиеся от жестокости своих господ. Бегство рабов в это время было очень распространенным явлением.

Численно люмпенпролетарская масса была велика, сплочена и легко приходила в возбуждение даже по самым незначительным поводам.

Все возрастающая численно плебейская масса со времени утверждения принципата фактически была лишена политических прав и находила

выражение своему недовольству существующим строем в военных бунтах, восстаниях, покушениях и тому подобных непосредственных проявлениях своего гнева. Классовая борьба кипела в течение всей истории Римской империи, но особенно остра она была в начале империи, когда императорская организация еще не успела окрепнуть, и в конце империи, когда эта власть начала разлагаться. Государственная организация в первую очередь и преследовала цель подавления проявления какого бы то ни было недовольства существующим строем и охраны интересов верхнего слоя италийских и затем провинциальных рабовладельцев. Но положение государственной власти осложнялось еще и тем, что в среде самого высшего класса не существовало единства интересов. Не только расходились интересы сенаторства и всадничества, италийской и провинциальной знати, но не было единства даже среди самих магнатов. Республикански настроенных сенаторов и всадников в изучаемый период было немного, но зато у каждой группы имелся свой кандидат на императорский трон, около личности которого и разрывалась борьба в сенате и при дворе, носившая характер фракционной борьбы козерий. Кроме того, аристократия в целом, в особенности ее верхний слой (*reges et potentiores*) стремились в известной мере ограничить императорскую власть, рассматривая императора как принцепса (*princeps*), т. е. первого члена сенаторского сословия. Наоборот, в природе императорской власти заложена тенденция к абсолютизму или доминату и превращению аристократии в служилую знать, чиновников и слуг государя (*officiales*). На этой почве возникали постоянные конфликты между императором и сенатом, классовым органом римской аристократии, составляющие существенную часть политической истории императорского периода. Интенсивность этой борьбы не всегда была одинакова, иногда она повышалась, а иногда понижалась в зависимости от конкретных обстоятельств и соотношения борющихся сил. Борющиеся стороны пускали в ход все имевшиеся в их распоряжении средства— слово, инсинуации, вооруженную силу, отравления, убийства и т. д. Излюбленным средством сенаторской оппозиции, в рядах которой находилось много интеллигенции, служили произносимые в сенате речи и политические памфлеты (*libelli*), распространяемые в большом количестве в римском обществе. Императоры же для устранения своих противников пускали в ход закон об оскорблении величества (*crimen laesae majestatis*), возбуждая судебные процессы по обвинению в покушении, действительном или мнимом, на особу императора. Обвиненные по статье об оскорблении величества подвергались изгнанию или смертной казни, а их имущество конфисковалось, продавалось с аукциона или же переходило в императорский фиск. В конечном итоге победа осталась за императором, лишившим сенат его политической самостоятельности и превратившим аристократов в чиновников и придворных. Однако классовая природа императорской власти от этого не изменилась. Римская империя с начала до конца оставалась аристократическим государством, хотя социальный и персональный состав высшего слоя постоянно менялся. Преимущества императорской системы по сравнению с аппаратом городской республики заключались в ее технико-административном превосходстве, с одной стороны, и более широкой социальной базе—с другой. В принципе, императорская власть так же как и сенат, оставаясь классовым органом аристократии, имела опору и в других социальных прослойках и организованных силах римского мира, как то: во всадничестве, верхних слоях, провинциях, войске, городском плебсе, варварах и т. д. В зависимости от того, какая из названных сил получала перевес, определялся и характер отдельных правителей. При одних принцепсах усиливалась, а при других уменьшалась роль сената и сенаторства, при третьих на передний план выступала пре-

торианская гвардия, при четвертых перевесах получали провинциалы и т. д. В изучении всех этих нюансов различных эпох и правлений собственно и состоит задача конкретной истории императорского режима.

4. Состояние римского государства при Тиберии

Императорский режим в Риме как определенная система государственного управления и классовой диктатуры римской аристократии (сенаторства) и плутократии (всадничества) начал складываться еще в республиканскую эпоху и прошел длинный путь развития. Одним из наиболее трудных и важных этапов в истории императорской власти в Риме, как сказано, была эпоха первых десятилетий принципата, и в особенности первого представителя Клавдиевой династии—К л а в д и я Т и б е р и я Н е р о н а (14—37 гг.). При этом следует отметить, что имперские учреждения создавались не вследствие теоретического анализа преимуществ того или иного политического строя, а в результате столкновения и ожесточенной борьбы различных враждебных социальных сил, групп и лиц. Социальный момент как раз по большей части и отсутствует в господствующих концепциях принципата, принадлежащих, как правило, историкам-юристам¹. Вследствие этого возникновение и развитие императорской власти получается у них слишком формальным, конструктивным и неисторичным. Не чувствуется живой социально-исторической ткани, т. е. самого главного.

При приходе к власти Тиберия римское государство находилось в чрезвычайно тревожном и неустойчивом состоянии. Как известно, последние годы правления Августа были омрачены грозными событиями, связанными с войнами в Германии, и очень крупными восстаниями, разразившимися в Паннонии и Далмации (6—9 гг. н. э.), о которых сообщают римские историки Веллей Патеркул (II, 110; III, 114), Дион Кассий (IV, 30), Светоний (Тиб., 16) и др. Во время войны с маркоманским вождем М а р б о д о м в тылу римской армии началось огромное восстание в Паннонии и Далмации. Восстание подняли местные племена, часть которых состояла на римской службе и имела римское вооружение. Общее число восставших доходило до 800 тыс. человек (V e l l. P a t., II, 111). Для подавления восстания римляне двинули почти все свои наличные силы (15 легионов), не считая вспомогательных отрядов и кавалерии. Ввиду катастрофического положения государства и недостатка свободных граждан в ряды войск зачислялись волюнтеристы и рабы, составлявшие особый добровольный отряд (V e l l. P a t., II, 110; D i o, LVI, 31; M a s r o b., I, 11; S u e t., Tib., 16), введены были новые налоги и повышены старые. В конце концов, с большим трудом восстание было подавлено, но, вместе с тем, Рим вынужден был отказаться от широкой политики продвижения в северо-восточном направлении и от покорения Германии.

Вскоре за панноно-далматским восстанием, как его органическое продолжение, последовало поражение К в и н т и л и я В а р а в Тевтобургском лесу (9 г.), что окончательно подорвало силы Рима (V e l l. P a t., II, 117; S u e t., Tib., 17).

Таким образом, германская политика, на которую было затрачено так много сил и средств и на которую Август делал крупную ставку, потерпела

¹ Э. Г р и м м, Исследования по истории развития императорской власти, 1900; Т. h. М о т т с е н, Römische Staatsrecht, Leipzig, 1887; О. К а р л о в а, Römische Rechtsgeschichte, Leipzig, 1885; Т. h. С h u l t z, Das Wesen des römischen Kaiserthums der ersten zwei Jahrh., 1916; Н. P e l h a m, On some disputed points connected with the Imperium of Augustus and his successors, 1911; P. d e F r a n c i s c i, Storia del diritto romano, Roma, 1929.

полную неудачу. Вследствие этого исчезал важнейший источник военной и рабочей силы, в котором Рим тогда испытывал острую нужду. Этим объясняется то огромное впечатление, которое произвело на Августа поражение в Тевтобургском лесу.

Политический кризис еще более осложнился династическим кризисом—отсутствием прямого наследника в правящем доме. Запутанные фамильные отношения дома Августа послужили причиной многочисленных семейных раздоров и дворцовых интриг, еще более осложнивших и без того сложную ситуацию, создавшуюся после смерти Августа.

К власти Тиберий пришел уже достаточно пожилым человеком, имея 55 лет отроду. По своему происхождению Тиберий—чистый аристократ, потомок знаменитой фамилии Клавдиев, насчитывавшей в своем родословном списке большое число знаменитых людей на всех поприщах.

Введенный своей матерью Ливией в императорскую семью, Тиберий с самого раннего детства попадает в паутину придворных интриг и кровавую борьбу придворных котерий, главную роль в которой играла его мать, женщина в высшей степени властолюбивая и честолюбивая, стремившаяся во что бы то ни стало обеспечить трон своему сыну. «Ливия Друзилла являлась великой тяжестью и несчастьем как для государства, так и для дома цезарей» (Т а с., Апп., I, 10).

В императорской семье Тиберий всегда чувствовал себя чужим человеком и потому значительную часть своей жизни вынужден был прожить вне дома, главным образом на о. Родосе. Вследствие тяжелых испытаний, перенесенных Тиберием в молодые годы, в нем развились антисоциальные черты—мизантропия, лицемерие и крайняя подозрительность, делавшие его человеком мало приятным для общества, в особенности великосветского.

Античные и современные историки более всего порицают Тиберия за его пристрастие к вину и сексуальные излишества. За пристрастие к вину Тиберий получил прозвание «холодный, чистый, Биберий»—*Caldius Vibcrius Mero* (I n s e r t. A u s t., Epit. de Caes., II). Вместе с тем, он был в высшей степени трудолюбив, настойчив до упрямства, честен и хорошо образован.

Как человек, не лишенный ни природного ума, ни солидного образования, а самое главное—жизненного опыта и понимания людских страстей, Тиберий правильно оценил серьезность положения и потому не спешил с формальным провозглашением себя принцепсом.

«Вы,—говорил Тиберий своим друзьям, побуждавшим его принять предложенное высокое звание принцепса,—не представляете себе те колоссальные трудности и заботы, которые должен преодолеть при настоящей политической ситуации верховный правитель. Вы не знаете, что это за дикий зверь—императорская власть» (*quanta belua esset imperium*). И лишь после настойчивых просьб и угроз сенаторов он наконец принял на себя «ужасно тяжелое рабство», как он называл верховную власть, да и то в надежде сложить ее при первой же представившейся к тому возможности, «когда вы сочтете справедливым дать некоторый покой моей душе» (S u e t., Tib., 24).

Ближайшие же события показали, что Тиберий был совершенно прав в своем отказе. После смерти Августа положение римского государства не только не улучшилось, но еще более ухудшилось, так как к прежним причинам недовольства теперь прибавился еще политический кризис, вызванный смертью Августа и колебаниями его преемника. Недовольство широкой волной разлилось по всему римскому миру.

Первым по времени и самым крупным социальным движением при Тиберии было восстание паннонских и германских легионов (14 год), художественно-драматическое описание которого

имеется в I книге «Аннал» Тацита (I, 11—52), в «Истории» Диона Кассия (VII, 4) и «Истории» Веллея Патеркула (II, 125).

Восстание панноно-германских легионов явилось следствием глубокого недовольства римских солдат каторжными условиями военной службы. В течение всей Римской империи армия являлась главным очагом массового недовольства и постоянных восстаний, нередко принимавших чрезвычайный характер, опасный даже для самого существования государства. Причина этого заключалась в социальном составе римской армии и ее организации¹. Социальный состав римской армии, являвшийся следствием вышеописанных социально-экономических перемен, был весьма пестр и демократичен. Значительную часть легионов составляли неимущие люди, среди которых большинство составляли деклассированные элементы города, вольноотпущенники и рабы. В армию шли самые обездоленные и потому наиболее озлобленные элементы римского общества, рабская масса (*vernacula multitudo*), как выражаются наши источники (*S u e t.*, Aug., XXV; *V e l l. P a t.*, II, 110; *D i o.*, LV, 31; *M a c r o b.*, Sat., I, 13).

Причины недовольства и настроение легионеров достаточно красноречиво выразил *П е р ц е н н и й*, один из вождей, выступавших на ночных солдатских сходках (*nocturna colloquia*), бывший староста театральных рабочих (*dux olim theatralium operarum*).

«Многие из нас,—говорил Перценний,—служат по 30, 40 и даже более лет и уже состарились под знаменами, потеряли здоровье, измучены телом и душой. А что они имеют за такую сверхчеловеческую службу? Ничего, кроме розог, грубого обращения командиров и 10 ассов в день, которыми оценивается человеческое тело. На эти деньги приходится покупать оружие, платье, палатки и откупаться от жестокости центурионов. Вместо обещанной плодородной земли ветеранам отводят болота и бесплодные участки на горах. Такова жизнь римского легионера! И она навсегда останется таковой, если только они не воспользуются настоящим благоприятным для улучшения тяжелой участи солдатской массы моментом». «Клянись Геркулесом! побои и розги, суровая зима и знойное лето, лютая война и бесплодный мир останутся вечным нашим уделом!» (*T a c.*, App., I, 16—17).

Бунтующие легионеры разгромили тюрьму и освободили находившихся в ней дезертиров и осужденных за уголовные преступления, не замедливших присоединиться к мятежникам. После этого раздражение достигло высшей точки. Сыну Тиберия, Друзу, путем обещаний, угроз и пр. в конце концов удалось потушить восстание и восстановить дисциплину.

Около того же времени и по тем же причинам произошло другое, еще более грозное и многочисленное восстание восьми легионов, расквартированных на берегах Рейна, на германской границе. Движущую силу в этом восстании, как и в Паннонии, составляла «рабская масса».

С точки зрения общеимперских интересов и личных интересов самого Тиберия восстание рейнских легионов было гораздо опаснее, так как рейнская армия составляла главную боевую силу Рима и во главе ее стоял популярный вождь *Г е р м а н и к*, племянник и соперник Тиберия. Однако в самый разгар мятежа, когда легионеры беспощадно умерщвляли центурионов—«самый древний объект солдатской ненависти» (*T a c.*, App., I, 31)—и намеревались провозгласить императором Германика, Германик и Тиберий объединились и соединенными силами потушили мятеж.

Мятеж рейнско-дунайских легионов с полной очевидностью показал, как велико было недовольство существовавшим строем и как слаб был авторитет государственной власти.

¹ *M o m m s e n*, Das römische Militärwesen seit Diocletian («Hermes», 1889, стр. 24).

Панноно-германское восстание расшатало все скрепы, связывавшие Римскую империю. После этого открывается длинная серия других, больших и малых восстаний, происходивших в течение всего времени пребывания у власти Тиберия. В качестве характерной особенности всех социальных движений принципата надо отметить первостепенную роль, которую в них играли рабы и вольноотпущенники, в большинстве случаев бывшие инициаторами и организаторами восстаний и всегда самыми активными элементами, что совершенно закономерно в условиях высоко развитого рабовладельческого государства.

В 16 г. Рим был взволнован слухом о новом восстании рабов, подготавливаемом на юге Италии неким К л е м е н т о м, «дерзким рабом» Агриппы Постума, сосланного на о. Планезию. Клемент предполагал похитить Агриппу, увести его к германским легионам, среди которых еще продолжалось брожение, и там провозгласить его императором. Однако план Клемента, по независящим от него причинам, не удался. Агриппа был убит раньше, чем Клемент сумел облечь его в пурпур, но это не смутило предприимчивого раба (Т а с., Ann., II, 39). Узнав о смерти Агриппы, Клемент решил провозгласить императором самого себя. Предварительно он в течение некоторого времени скрывался в потаенных местах, отрачивая волосы на голове и бороду, чтобы стать похожим на убитого Агриппу Постума. У Клемента оказалось очень много сторонников среди «людей темных и мятежно настроенных, жаждущих государственного переворота» (*apud turbidos eoque nova cupientes*). Кроме того, среди сторонников Клемента было немало муниципалов, всадников, сенаторов и даже людей «из дома самого принцепса». При известии об успехах Клемента Тиберий вначале растерялся, не зная, следует ли ему начать открытую войну против мятежного раба, или же предоставить «пустому легкомыслию» рассеяться самому по себе (Т а с., Ann., II, 40). Обратились к простому средству. К Клементу были подсланы вооруженные люди, которые вошли к нему в доверие, захватили его врасплох и привели к императору на допрос. На вопрос Тиберия: «Как ты сделался Агриппой?»—Клемент ответил: «Точно так же, как ты стал Цезарем», т. е. обманом.

После казни Клемента, хотя и раба, но человека «не с рабским умом» (*non servili animo*), движение было подавлено. «Ежели бы это движение не было подавлено своевременно, то оно ввергло бы государство в новые смуты и гражданскую войну»,—прибавляет римский историк (Т а с., Ann., I, 39).

Не успела еще сгладиться память о восстании рейнских легионов, как в 21 г. начались волнения, охватившие почти всю Галлию. Причиной галльского волнения была колоссальная задолженность, тяготившая на галльском населении. Ни в одной части Римской империи задолженность не была так велика, как именно в Галлии, старой римской провинции, уже давно втянутой в сферу влияния римского (италийского и туземного) торгово-ростовщического капитала. Вождями движения были два знатных галла—Ю л и й Ф л о р и Ю л и й С а к р о в и р, отличившиеся на римской службе и получившие за свои доблести права римского гражданства. Подготовка восстания протекала, по общему правилу, на тайных собраниях (*secreta colloquia*), на которые собирались все задавленные нуждой и податями люди.

Момент для восстания казался как нельзя более подходящим, так как римские солдаты, услышав о кончине Германика, вышли из повиновения и тем самым ослабили сопротивляемость Рима.

Движение быстро охватило всю Галлию от Рейна до океана. «Не было почти ни одной общины и города (*civitas*), куда бы не проникали семена этой заразы». Повсюду избивали римских купцов, в большом количестве

проживавших в Галлии. Особенно широкие размеры восстание приняло в области эдуев, где действовал Сакровир, занявший с 40-тысячной армией столицу племени, гор. Августодун.

Однако римская дисциплина и вооружение победили свободолюбивых галлов. Посланный против Сакровира легат Гай Силий в открытом бою рассеял ополчение Сакровира, который ввиду безвыходности положения умертвил себя собственной рукой (Т а с., App., III, 46).

Сказанным далеко еще не исчерпывается история социальных движений в относительно кратковременное правление Тиберия. Революционные движения имели место также и в придунайских областях, в особенности в о Ф р а к и и. Фракия представляла для римлян первостепенную ценность как неисчерпаемый источник человеческой силы. Здоровые фракийские горцы считались лучшими бойцами в римской армии. Вследствие насилий, чинимых римскими вербовщиками, работоторговцами и наместниками, среди фракийских горцев происходили постоянные брожения. В 26 г. во Фракии разразилась настоящая война, необыкновенно тяжелая и кровавая (*bellum impeditum, arduum, cruentum*). Подобно галлам, фракийцы оказывали отчаянное сопротивление, но все же и они не устояли перед напором консула Силия Сабина. Часть их пала в открытом бою, а другие погибли от голода, жажды, ран и эпидемий.

Одним из постоянных очагов антиримских брожений в течение всей римской истории оставалась провинция А ф р и к а. При Тиберии много неприятностей римским купцам и властям причинил Т а к ф а р и н а т, нумидиец по происхождению, служивший в римской армии. Такфаринат поднял против Рима местные африканские племена мавров, нумидийцев и мусуланов. Под знамена Такфарината собралось большое число «безумных и мятежных голов» (*quis fortunae inops, moribus turbidus*), с которыми он предпринимал опустошительные набеги на римские поселения и города. Такфаринат был убежден в слабости римского государства. Он полагал, что римляне не могут переправить в Африку достаточное количество войск, будучи заняты подавлением восстания в других провинциях. Однако и в этой войне победа осталась за Римом, превосходившим своих врагов организацией, военной дисциплиной и военной техникой (Т а с., App., IV, 23—25).

Около того же времени рабовладельческий Рим был потрясен известием о новом готовящемся восстании рабов. Инициатором этого восстания был Т и т К у р т и з и й, отставной солдат преторианской гвардии. Воспользовавшись ослаблением римской государственности, Куртизий сначала стал устраивать тайные собрания рабов (*coetus clandestini*), подготавливая их к восстанию. Затем от законспирированной пропаганды он перешел к открытой, к разбрасыванию прокламаций с призывом присоединиться к восставшим. На призыв Куртизия, действовавшего в южной Италии, откликнулись «дикие и неустрашимые» рабы-пастухи из далеких горных пастбищ, имевшие лошадей и вооружение (Т а с., App., IV, 27).

Успешно начатое дело Куртизия было прервано в самом разгаре вмешательством квестора Л у ц и я Л у п а, которому был поручен надзор за рабами. «Движение Куртизия могло принять страшные размеры, быть повторением спартаковской революции. Так велико было в то время число рабов и так ничтожно по сравнению с ними число свободных» (Т а с., App., IV, 27).

5. Организация государственного аппарата

Вышеописанное, почти катастрофическое состояние Римской империи, постоянные угрозы рабских восстаний и ненадежность армии предопределили характер внешней и внутренней политики нового принцепса.

Общий стиль политики Тиберия можно определить как стремление удержать поколебавшуюся гегемонию Рима над подвластными ему народами и сохранить внутреннее равновесие гражданской общины: «Не расстраивать уже сложившихся отношений» (*ne composita turbarentur*)—таков был девиз политики нового принцепса (Т а с., *Ann.*, II, 65). Однако, как увидим из дальнейшего изложения, Тиберию во многом пришлось поколебать сложившиеся отношения и отступить от своего «республиканского» идеала.

Идеалом мудрого политика для Тиберия всегда оставался Август. Во внешней политике Тиберий, следуя заветам Августа не расширять границ (*consilium coërcendi*, Т а с., *Ann.*, I, 11), совершенно отказался от каких-либо завоеваний. Общее состояние государства и дух армии, по его мнению, были не таковы, чтобы можно было успешно вести наступательную войну. На этом основании Тиберий окончательно оставил мысль о покорении Германии. Экспедиция Германика (16—19 гг.) представлялась ему эфемерной, не сулившей государству никаких выгод: с финансовой точки зрения—разорительной, а с политической—опасной. В течение долгого времени молодой популярный полководец (Германик), поддерживаемый враждебной Тиберию партией, находился вне его контроля. К тому же армия Германика, углубившаяся в дебри Германии, терпела большие потери, много людей погибало не столько от вражеского оружия, сколько от голода, эпидемий и непривычного нездорового северного климата. Тиберий этим воспользовался и предложил Германику окончить экспедицию, указывая на бесцельность дальнейших жертв. Приказание принцепса было выполнено, и экспедиция прекращена. Границей был признан Рейн, а германцы были предоставлены их собственным раздорам. После этого в течение всего правления Тиберия не было ни одной сколько-нибудь значительной войны (Т а с., *Ann.*, II, 26).

Отказавшись от активной внешней политики, Тиберий всецело отдался делам в н у т р е н н е г о у п р а в л е н и я: укреплению государства и реорганизации государственного управления и финансов, что в то время являлось делом первостепенной важности. Личные качества Тиберия как нельзя более гармонировали с поставленной им задачей улучшения административного аппарата, не в смысле разрешения общих государственно-правовых проблем, а улаживания отдельных конфликтов и вопросов практического свойства. Не будучи ни смелым, ни тем более гениальным государственным мужем, Тиберий был очень хорошим практиком-организатором. Об исключительном его трудолюбии свидетельствует масса составленных им речей, докладных записок сенату и писем к частным лицам. В отношении организации государственно-административного штата императорский Рим во многом обязан Тиберию.

Свой взгляд на государство и обязанности его главы он выразил в следующих словах: «Для рабов—я господин (деспот), для солдат—император, для всех остальных—принцепс» (*Diō,* LVII, 8). Подобно Августу, Тиберий во главе государственно-административного аппарата намеревался поставить с е н а т, а сенаторское сословие сделать господствующим сословием Римской империи, подняв его во всех отношениях на должную высоту. Для этого он считал необходимым возродить старые идеалы аристократии. Прежде всего, аристократия должна была очиститься от тлетворного влияния денег и роскоши и возродить патриархальные добродетели—чистоту крови, семейственность, воинственность и агркультуру. Ядро имперской аристократии должна была составлять и т а л и й с к а я з н а т ь, потомки древнеримских родов, а Италия должна была стать центром мировой империи. Сенаторское сословие должно было превратиться в замкнутую корпорацию, доступ в которую должен был быть затруднен различными социально-экономическими преградами. В 23 г. последовал специальный

декрет, запрещавший принимать во всадническое сословие, составлявшее первую ступень сенаторского сословия, лиц, деды которых не были римскими гражданами, вне зависимости от их имущественного состояния (P l i n., NH, XXXIII, 32).

Этот закон имел в виду богатых вольноотпущенников и провинциалов, просачивавшихся в римскую плутократию, а через нее и в аристократию. Смещение сенаторства со всадниками также считалось недопустимым своеволием (T a c., Ann., IV, 40).

Верховным органом, сувереном римского государства, Тиберий считал сенат, принцепс являлся лишь исполнителем его воли. «Как прежде, так и теперь, сенаторы,—говорил в одной из своих речей Тиберий,—я полагаю, что хороший и заботливый правитель (принцепс), которому вы вручили столь великую и обширную власть, должен быть слугою сената, часто всех граждан, а иногда даже и отдельных лиц. В этих словах, сказанных мною, я не раскаиваюсь и считаю, что как раньше, так и теперь, вы являетесь для меня добрыми, справедливыми и снисходительными господами» (S u e t., Tib., 29; V e l l. P a t., II, 129; T a c., Ann., IV, 15).

В одном из первых заседаний сената Тиберий предложил выбрать к о л л е г и ю из 20 з н а м е н и т ы х м у ж е й—консуларов (p r i n c i p e s c i v i t a t i s) для управления государством. «Коллегия,—говорил он по этому поводу,—конечно, гораздо лучше справится с ответственной задачей управления, нежели один человек, ограниченный в своих силах и возможностях. Ведь только колоссальный ум божественного Августа был способен охватить всю громадность Римской империи (m a g n i t u d o I m p e r i i) и поднять всю тяжесть власти» (T a c., Ann., I, 11).

Официально Тиберий именовался *imperator Caesar Augustus*, но Августом он называл себя лишь в сношениях с иностранными дворами. Он отклонил предложенный ему сенатом почетный титул *pater patriae*, запретил называть себя богом, строить храмы и пр.

Компетенция сената при новом принцепсе значительно расширилась. Сенат был признан высшим судебным органом Римской империи, решения которого распространялись даже на самого принцепса и его агентов. Сенаторские и императорские провинции были строго разделены. Даже вынесение окончательного приговора по делам об оскорблении величества принадлежало сенату (T a c., Ann., VIII, 16; D i o, LVIII, 16; T a c., Ann., IV, 15).

Кроме судебных функций в компетенцию сената входили: прием посольств иностранных государств, организация продовольственного дела, установление и сбор податей, набор и увольнение солдат, назначение на командные посты, вручение чрезвычайных полномочий магистратам, сооружение и ремонт общественных зданий, прокладка дорог, постройка мостов и т. д. (S u e t., Tib., 30).

Высшие посты в войске и администрации—консулы, преторы, квесторы и т. д.—замещались лицами благородного, т. е. сенаторского, звания (T a c., Ann., IV, 15). Выборы магистратов от комиций тоже перешли теперь к сенату, а сами комиции прекратили свое существование.

Коротко говоря, все функции государственного управления переходили в ведение сената, а сам сенат превращался в высший административный орган Римской империи, в маховое колесо государственной машины. Но расширение функций сената отнюдь не означало восстановления республиканских традиций. Власть сената имела своим источником волю императора, и расширение сферы компетенции сената означало, в сущности, усиление власти императора. Первым председателем сената, а тем самым, следовательно, и главой всего государственно-административного аппарата, был император. Тиберий принимал самое непосредственное

участие в работе сената. От него исходила инициатива законов, ему же принадлежали редакция декретов и составление обширных докладных записок и ответов сенату.

6. Социально-экономическая политика Тиберия

Разнообразные и многочисленные законодательные мероприятия Тиберия преследовали одну главную цель: создание сильной государственной власти, необходимой для сохранения гегемонии Рима над массой рабов и провинциалов. Поэтому все, что так или иначе нарушало и подрывало государственную власть, каралось им с беспощадной жестокостью. Для обеспечения общественного покоя и защиты граждан от покушения на их собственность по всей Италии были расставлены военные патрули (*stationes militum*), на обязанности которых лежали преследование разбойников и прекращение всякого рода уличных бесчинств, драк, оскорблений, ночных нападений и т. д.

Выполнение полицейских функций возлагалось на преторианские когорты, сначала расквартированные в Риме, по домам отдельных граждан, а затем сконцентрированные в особом преторианском лагере (*S u e t., Tib., 37*). Полицейские мероприятия распространялись не только на разбойников и нарушителей внешнего порядка, но также и вообще на всех заподозренных в подрыве государственных основ, в особенности, конечно, на мятежников всех категорий—как рабов, так и свободных. «Народные волнения (*populares tumultus*),—говорит Светоний,—он обуздывал строжайшими мерами, когда таковые уже возникли, и всячески старался не допускать возникновения таковых» (*S u e t., Tib., 37*).

Государственно-административная деятельность Тиберия не ограничивалась одними только мероприятиями полицейского характера. В его правление была издана масса декретов и проведено много реформ, касавшихся различных сторон общественной жизни. Большая часть этих мероприятий вызывалась действительными потребностями жизни и проводилась после тщательного обсуждения в сенате при ближайшем участии самого принцепса, с присущим ему педантизмом вникавшего во все детали административно-законодательной работы.

Самым острым вопросом внутренней политики нового принцепса был финансовый вопрос. В начале правления Тиберия финансы римского государства находились в исключительно плохом состоянии. Государственные расходы были колоссальны и совершенно не покрывались поступлениями, между тем как налоговое обложение было очень высоко, а тревожное состояние империи не позволяло вводить новые или повышать старые налоги. Единственным выходом из положения при таких условиях являлось максимальное сокращение расходов и строгое проведение по всем статьям режима государственной экономии (*parsimonia*). К этому средству крайней необходимости и обратился Тиберий. Сокращены были траты на постройки, зрелища, оплату актеров, подарки и им подобные экстраординарные расходы, поглощавшие огромную часть государственного бюджета. Вместе с тем введена была рационализация сбора и раскладки податей. Прямые налоги, взимаемые с провинциалов, собирались или непосредственно самим государством через его агентов (прокураторов), или же сдавались на откуп откупным товариществам всадников (*societates equitum Romanorum*). Норма налога была строго установлена, и всякое превышение этой нормы строго наказывалось (*T a c., Ann., IV, 6*).

Отношение императора к этому вопросу видно из его ответов на предложение префекта Египта Эмилиа Рокка поднять сумму налога.

«Задача хорошего пастуха стричь своих овец, а не сдирать с них кожу» (*boni pastoris esse tondere pecus, non deglubere*), ответил император излишне ретивому своему слуге (*S u e t.*, *Tib.*, 32; *D i o*, LVII, 10).

Попытка Тиберия уменьшить на 50% косвенные налоги, падавшие на италиков, имела лишь временный успех. Вследствие крайней необходимости произвести крупные раздачи преторианцам пришлось снова вернуться к прежней норме. В результате строго проведенной государственной экономии и рационализации методов сбора и раскладки налогов Тиберию удалось не только покрыть старые долги, но даже составить солидный денежный фонд в 3 миллиарда сестерциев, завещанный им своему преемнику (*S u e t.*, *Calig.*, 37; *D i o*, LIX, 1). Из других мероприятий Тиберия следует упомянуть о попытке ограничения роскоши, ослаблении ростовщичества, поднятии сельского хозяйства и мерах по оздоровлению нравственности, в особенности женской.

Вследствие высокого ссудного процента все денежные люди Италии—сенаторы и всадники—предпочитали отдавать свои капиталы в ссуду, приносившую высокий и скорый доход, а не вкладывать их в сельское хозяйство, приносившее умеренный доход и доставлявшее много хлопот.

Из боязни опасных последствий спекулятивной страсти высшего класса претор Г р а к х в 33 г. внес в сенат предложение возобновить забытые законы об установлении нормы ссудного процента. Предложение Гракха, ввиду сильной оппозиции сената, принято не было, но в связи с этим, по инициативе принцепса, было издано два важных декрета, имевших целью умерить ростовщичество и поднять сельское хозяйство Италии. Кредиторам и ростовщикам вменено было в обязанность $\frac{2}{3}$ своих капиталов вложить в италийское сельское хозяйство, а нуждавшимся в денежном кредите италийским землевладельцам предоставлялся денежный кредит (*dispositio*) в 100 млн. сестерциев (около 10 млн. золотых рублей) на льготных условиях (*sine usuris per triennium*). Кредит предоставлялся под залог полевых угодий, оцененных в двойном размере по сравнению с полученной суммой кредита (*T a c.*, *Ann.*, VI, 17; *S u e t.*, *Tib.*, 48). Таким путем экономическая жизнь Италии была более или менее налажена.

Те же самые соображения реальной политики и опасение подрыва авторитета государственной власти побудили Тиберия смягчить крайности закона П а п и я П о п п е я о браках (9 г. н. э.). В объяснительной записке сенату Тиберий указывал, что от придиричивых законов общество часто страдает не меньше, чем от самих преступлений, против которых они направлены; что таким образом открывается широкий простор доносчикам и тем самым сеется раздор между обществом и правительством (*T a c.*, *Ann.*, III, 25).

7. Столкновение Тиберия с аристократией

Концентрация финансовой и военно-политической силы в руках принцепса повышала его авторитет в отношении сената, сенаторского и всех остальных сословий римского общества. Вместе с тем росла и материальная опора императора как первого гражданина римского государства. Императорские домены (*patrimonium*) увеличивались благодаря завещаниям, захвату выморочных имуществ (*bona vacantia et caduca*) и конфискациям. Между тем как масса сенаторства под действием вышеописанного социально-экономического процесса разлагалась, беднела и становилась клиентами принцепса, первого магната Рима, начинали смотреть на принцепса как на источник всякого рода милостей, наград, служебных

успехов, которыми теперь было поглощено римское сенаторство. Перед ним заискивали и раболепствовали. Сервилизм высших классов проявлялся уже в самые первые дни прихода Тиберия к власти.

«Между тем в Риме консулы и всадники ринулись в раболепство (*ruere in servitium*), мешая слезы и радость, сожаление и лесть» (Т а с., *Ann.*, I, 7). В одном из первых заседаний сената почтенный сенатор А з и н и й Г а л л, сын знаменитого государственного деятеля и историка Азиния Поллиона, заявил, что государство представляет одно тело и потому должно управляться духом одного (*unum esse reipublicae corpus atque unius animo regendum*) (Т а с., *Ann.*, I, 12).

Патриархально настроенный Тиберий возмущался «грязной лестью и заразой» высшего сословия и не один раз в резкой форме высказывал свое неудовольствие по этому поводу. Так, выходя с заседания сената, он имел обыкновение повторять фразу: «О люди, созданные для рабства!» (*O homines ad servitutem paratos!*) (Т а с., *Ann.*, III, 65).

Однако при наличии значительного числа людей, сочувствовавших принципату и заискивавших перед принцем, в сенате и за его пределами имелись группы и люди, по разным причинам выступавшие против единодержавной власти. При всем брбсающемся в глаза сервилизме, в римском обществе всегда, в особенности же в первые десятилетия принципата, существовала оппозиция императорской власти. Легальным органом выражения оппозиции являлся сенат, до самого конца империи сохранявший известную долю независимости по отношению к императору¹. В изучаемый период все не мирившиеся с императорским режимом или недовольные личностью принцепса группировались вокруг личности молодого, талантливого и популярного полководца Г е р м а н и к а Ц е з а р я (*Germanicus Caesar*), принадлежавшего к одной из самых влиятельных фамилий Рима, внука Августа и племянника Тиберия. После смерти Германика главой оппозиции сделалась жена Германика А г р и п п и н а (Старшая), женщина «бурного нрава», умная, энергичная, гордая и честолюбивая. Неприязненные с самого начала отношения императора с оппозицией обострились после смерти Германика, последовавшей в 19 г. в Антиохии. Виновником ее считали Тиберий, боявшегося Германика как своего опасного конкурента. Агриппина использовала смерть мужа как предлог для генеральной демонстрации, придав ей общеполитический смысл народного протеста против императорского абсолютизма за восстановление утраченной свободы. Агитация Агриппины находила отклик среди городского плебса, не испытывавшего симпатии к императору за его аристократичность, суровость, а главное—скупость. Германика считали вторым Александром Великим, который легко мог бы покорить Германию и возродить величие римского народа, если бы он не был отозван Тиберием по мотивам личного характера из боязни быть превзойденным (Т а с., *Ann.*, II, 73). В то же самое время Германика выставляли борцом за освобождение римского народа от тирании. «Слух о внезапной смерти Германика до такой степени, — говорит Тацит, — зажег римский народ, что вся деловая жизнь Рима (*justitium*) замерла. Форумы опустели, храмы и частные дома заперли свои двери, повсюду тишина и вздохи, внешние знаки печали и еще большая скорбь внутри. Народ тяжело оплакивал Германика» (Т а с., *Ann.*, II, 82).

И тем не менее, несмотря на все успехи, достигнутые оппозицией в день похорон Германика, все же победа в конце концов осталась не за Агриппиной, а за Тиберием. При этом своей победой Тиберий был обязан не

¹ L. H o m o, *Les privilèges administratifs du Sénat romain sous l'Empire*, 1921; O. S c h u l z, *Vom Prinzipat zum Dominat*, 1919.

своим личным качествам, а объективным силам империи—государственной централизации, финансам и, прежде всего, преторианской гвардии, родившейся вместе с империей.

8. Сеян

Демонстрация 19 года заставила Тиберия пойти на сближение с префектом претория Луцием Элием Сеяном, римским всадником. Пост префекта претория всегда занимали всадники, «друзья Цезаря» (*amici Caesaris*), враждебно настроенные к высшему слою имперской аристократии.

Первым тактическим планом Сеяна в борьбе с врагами государственного порядка, т. е. с партией Агриппины, было образование преторианского лагеря (*castra praetoriana*) под стенами Рима. До тех пор преторианцы, несшие полицейскую службу, были рассеяны по всему городу, поддавались городским соблазнам и слабо подчинялись дисциплине. Устройством же особого преторианского лагеря Сеян достиг того, что плохо дисциплинированные когорты преторианской стражи превратились в организованную военную силу, сконцентрированную в одном пункте, удаленную от соблазнов большого города и подчиненную воле одного начальника, префекта претория, в данном случае самого Сеяна. По первому приказу преторианские когорты выступали сомкнутой фалангой, внушая более доверия и страха как самим себе, так и другим своим числом, силой и внешним видом.

Собственно Сеян и был творцом преторианской гвардии, в течение многих лет бывшей вершителем судеб Римской империи. До Сеяна же преторианская гвардия, подчиненная не одному, а двум префектам, выполняла лишь полицейские функции и большой политической роли не играла.

После реорганизации преторианской гвардии Сеян становится самым сильным человеком в Римской империи и совершенно подчиняет своему влиянию Тиберия. Политический террор, имевший место и до Сеяна, при Сеяне еще более усилился. Под статью об оскорблении величества попало много влиятельных и богатых людей Рима. Однако и положение самого Сеяна было непрочным. Воспользовавшись депрессивным настроением императора, он убедил его в 26 г. на некоторое время оставить Рим и переселиться в Кампанию, на уединенный остров Капри, где он мог бы отдохнуть и рассеяться среди чудесной южной природы от терзавших его мук и сомнений.

После отъезда Тиберия Сеян вел себя, действительно, как настоящий тиран. Он окружил себя многочисленной свитой друзей, клиентов и фаворитов, которых осыпал милостями и подарками, а неугодных ему лиц унижал или уничтожал. Но чрезмерное могущество Сеяна в конце концов начинало пугать и самого Тиберия, по природе человека подозрительного и трусливого. Этим воспользовались враги Сеяна и тонко повели интригу против всемогущего временщика, распуская слух, что Сеян стремится погубить Тиберия, чтобы самому стать императором, и что в Риме готовится заговор с целью государственного переворота. Подозрение в стремлении к захвату государственной власти могло усиливаться также благодаря настойчивому желанию Сеяна породниться с императорским домом путем брака с царственной вдовой Ливиллой, женой внезапно скончавшегося Друза, сына Тиберия. Смерть последнего также приписывали Сеяну, находившемуся в сожительстве с Ливиллой, когда она еще была женой Друза (Т а с., Апп., IV, 8; Дио, LVIII, 11).

Убежденный в наличии заговора (*conjuratio*), Тиберий немедленно же, не доводя до сведения сената, назначил нового префекта претория Нэвию Серторию Макрона и поручил ему арестовать Сеяна.

В экстраординарном порядке, еще вчера всемогущий диктатор Рима был обвинен в государственной измене, казнен, а его труп, после многих издевательств и надругательств со стороны толпы, брошен в Тибр (31 г.). День казни Сеяна был объявлен днем восстановления общественной свободы. На главной площади по приказанию сената была возведена статуя Свободы и устроен всенародный праздник.

9. Последние годы жизни Тиберия

Падение Сеяна произвело на все римское общество потрясающее впечатление. Враги Тиберия подняли голову и развили страстную агитацию не только в самом Риме, но и в провинциях. На императора со всех сторон сыпались оскорбления, насмешки и угрозы. К хору недовольных присоединился даже парфянский царь Артабан, дерзнувший написать римскому императору целое послание, полное упреков, оскорблений и угроз.

В том же самом 31 г. римские провинции Азия и Ахайя были взволнованы появлением с а м о з в а н ц а, называвшего себя Друзом, сыном Германика. Достоверность слов самозванца заверяли некоторые из вольноотпущенников императорской фамилии, лично знавшие Друза.

Особенно сочувственно к самозванцу относилась греческая молодежь. Движением были захвачены целые города и провинции — Азия, Ахайя, Кикладские острова, Сирия и Египет. Конец успехам Лже-Друза положил консул Поппей Сабин, находившийся тогда в Македонии и «не упускавший из орбиты своего внимания также и Ахайю» (Т а с., App., V, 10).

Все эти события озлобили и потрясли Тиберия. «Встревоженный ум императора как раскаленное железо жгли сыпавшиеся на него со всех сторон поношения и обиды» (S u e t., Tib., 66). И все-таки он еще сохранил достаточно психической энергии и интереса к государственно-административным делам. До самых последних лет, находясь вне Рима, он принимал самое ближайшее участие в работе сената, руководил делами внешней политики, посылал докладные записки, принимал депутации и т. д. Об этом свидетельствуют его энергичные вмешательства в хозяйственный кризис 33 г., организация государственной помощи в 100 млн. сестерциев пострадавшим от грандиозного пожара на Авентине (36 г.) и особенно энергичное вмешательство в восточные дела, связанные с Арменией и Парфией (Т а с., Ann., IV, 45; D i o, LVIII, 21; J o s., Ant., XVIII, 97).

Сообщения древних о последних годах, месяцах и днях Тиберия различны, но все же большинство полагает, что он умер насильственной смертью, виновником которой называют сына Германика, Гая, будущего императора Гая Калигулу. Желание Гая, который не мог дождаться естественной смерти своего деда, выполнил новый префект претория, смеившийся Сеяна, Макрон.

Умер Тиберий в 37 г., 16 марта, на Мизенском мысе, в вилле Лукулла. По одной версии, смерть его последовала от яда, а по другой—его задушили подушками Макрон во время приступа малярии. Своему преемнику он оставил денежный фонд в 3 миллиарда сестерциев, налаженный государственно-административный аппарат, высокий престиж Рима в делах внешней политики и относительное спокойствие внутри государства. Таковы были первые и самые трудные шаги императорской власти в Риме.

